

Гулунова Полина Ивановна

Магистрант НАЧОУ ВПО СГА

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

Уголовная политика Российского государства

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления уголовной политики Российского государства, автор приходит к выводу, что в настоящее время актуальна проблема санкций норм Особенной части УК РФ, поэтому автор поднимает вопрос о разработке шкалы уголовных наказаний..

Ключевые слова: политика, уголовная политика, наказание, преступление, санкция, реформа.

Происходящие в России социально-экономические преобразования требуют от государства и его правоохранительных органов активных мер по борьбе с преступностью. Весьма актуальным в этих условиях является исследование конкретных правовых проблем современной российской уголовной политики, которая на протяжении многих лет, с одной стороны, воспринималась лишь как совокупность решений власти, направленных на борьбу с преступностью, а с другой стороны, отличалась волюнтаризмом в законодательстве.

В современный период в условиях нарастания в России процессов демократических преобразований весьма важным фактором является разработка и реализация нормативно-правовых и организационно-управленческих мер по противодействию преступности, а также осуществление комплекса практических мероприятий, имеющих своей целью удержание ее на социально приемлемом уровне. В этой связи весьма актуальным является исследование конкретных правовых проблем современной российской

уголовной политики, которая на протяжении длительного времени воспринималась лишь как совокупность решений власти, направленных на борьбу с преступностью [8, с. 12], а с другой стороны, отличалась волюнтаризмом в законодательстве.

Ее состояние в настоящее время Э.Ф. Побегайло назвал кризисом современной российской уголовной политики [7, с. 112]. Достаточно наглядно это отражено в работе «Российская уголовная политика: преодоление кризиса», авторы которой отмечают ее неадекватность криминальной ситуации, в которой оказалось российское общество, как следствие радикально-либерального подхода в проведении судебной реформы и последующих реформ уголовно-процессуального и уголовного законодательства.

При этом в качестве средства противодействия росту преступности нередко предлагаются рекомендации об усилении либо – в меньшей степени – ослаблении тяжести уголовного наказания за отдельные виды преступлений. Однако подобные предложения, по мнению А.Э. Жалинского, нередко представляют ничем не обоснованное мнение тех или иных авторов [4, с. 21], что подтверждается поступающими в Государственную Думу РФ многочисленными проектами федеральных законов, содержащими, как правило, предложения об усилении уголовной ответственности. Наиболее часто они касаются ужесточения наказания за незаконный оборот наркотических средств, за преступления террористической направленности, за хищения отдельных видов чужого имущества и т. д.

Одна из причин внесения таких законодательных предложений в том, что уголовно-правовая наука, к сожалению, не располагает реальными сведениями об общественной опасности того или иного противоправного деяния, а в ряде случаев – определенного вида преступного поведения. Наиболее негативным проявлением подобного является отнесение законодателем с 1 июля 1994 г. всех видов квалифицированных краж к тяжким преступлениям. Это повлекло, во-первых, значительный (ничем не обоснованный) рост в структуре преступности тяжких уголовно наказуемых деяний и, во-вторых, явилось

главной причиной увеличения числа лиц, в отношении которых органы предварительного следствия и дознания в ходе досудебного производства избирали меру пресечения в виде заключения под стражу.

Другая причина обоснования необходимости усиления карательных мер со стороны государства заключается в том, что при реализации уголовной политики отсутствуют зачастую какие-либо конкретные сведения о социальных последствиях предстоящих изменений уголовной репрессии, а также о ресурсной стоимости такого законопроекта и о том, согласно ли общество его финансировать, без чего в странах с устоявшимися системами уголовного правосудия не принимается ни один уголовный закон, устанавливающий преступность или усиливающий уголовное наказание за преступное поведение.

Весьма негативным примером современной уголовной политики (поспешности и недооценки последствий) является исключение Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ [1] нижнего предела уголовного наказания из санкций абсолютного большинства преступлений средней тяжести и части тяжких преступлений. Такое решение законодателя привело к разрыву в 30–60 раз между верхним и нижним пределами размеров уголовного наказания за совершение одних и тех или схожих по категории тяжести видов преступлений. Например, по ч. 4 ст. 183 УК РФ («Незаконное получение или разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, повлекшие тяжкие последствия») наказание предусмотрено от двух месяцев до десяти лет лишения свободы. Это означает разрыв между верхним и нижним пределами наказания в 60 раз, что, безусловно, может способствовать коррупционным проявлениям, превращая институт судебного усмотрения при назначении уголовного наказания в судебский произвол.

Следует признать, что проблема санкций норм Особенной части УК РФ – сегодня в целом «ахиллесова пята» уголовного законодательства. Поэтому не случайно в науке и среди практиков активно обсуждается вопрос о разработке шкалы уголовных наказаний, которая, во-первых, позволила бы учитывать при назначении наказания не всю совокупность квалифицирующих признаков

(«чохом»), которые (от 2 до 7) сформулированы в диспозициях конкретных статей УК РФ, а учитывать каждый такой признак самостоятельно с применением правила совокупности сложения по ним наказания; во-вторых, устанавливала бы жесткие правила учета отдельных повторяющихся и наиболее часто распространенных обстоятельств уголовно наказуемого деяния (насильственный или групповой характер преступления, вооруженность, размер ущерба (вреда) и др., если они не являются квалифицирующими признаками конкретного преступления, указав степень влияния каждого из них на размер наказания; в-третьих, при назначении наказания должно действовать правило обязательного, а не формального зачесту сложения наказания по совокупности преступлений, что является абсолютным правилом в условиях действия «шкалы наказаний».

Приведенные выше и другие негативные факторы реализации российской уголовной политики в современный период влекут за собой снижение доверия граждан к органам власти и к способности последней противостоять преступности. А поскольку общество не может отказаться от уголовного законодательства как средства обеспечения социального мира и воздействия на лиц, его нарушивших, ввиду чрезвычайно высокой цены решений по изменению уголовного законодательства, от субъектов уголовной политики и непосредственно от законодателя требуется быть крайне осторожными. Однако на практике, как указано выше, дело обстоит так, что авторам законопроектов заведомо известно, что ослабление репрессии усиливает преступность, а ужесточение уголовной ответственности позволяет достичь положительного результата в борьбе с преступностью.

Особенно наглядно данную идеологию выразил Д.А. Корецкий в своей публикации «Идеологические проблемы борьбы с преступностью» [5, с. 3], отмечая «излишнюю либерализацию уголовного законодательства и снижение санкций за те или иные преступления», сравнивая санкции уголовных наказаний в УК РСФСР и УК РФ «с развитыми демократическими и либеральными зарубежными странами», приведя в качестве примера ст. 123.3

Уголовного кодекса Австралии, предусматривающую за совершение грабежа лицом, «имеющим при себе оружие с целью нападения», наказание на срок до 20 лет, в то время как в ст. 162 УК РФ после изменений Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. санкция за аналогичное деяние снижена до 10 лет лишения свободы [5, с. 4].

Или, например, рассуждения этого же автора о Федеральном законе от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ в части «неадекватности новелл, касающихся уголовной ответственности несовершеннолетних», даны им без приведения какой-либо аналитической и статистической информации. По мнению автора, в последние годы наблюдается рост тяжких преступлений, совершаемых лицами в возрасте 12 – 15 лет, исходя из чего им делается вывод, во-первых, о необходимости снижения возраста уголовной ответственности до 12 лет (это предложение действительно подлежит обсуждению с учетом естественных процессов акселерации подростков), а во-вторых, о повышении санкций за тяжкие преступления, к числу которых УК РФ, во времена, о которых рассуждает автор, относил кражу подростком велосипеда из сарая и т. п. противоправные деяния. Разумно ли второе предложение автора – каждый вправе сделать самостоятельный вывод.

К этой же категории необоснованной критики действующего уголовного закона следует отнести и не подтвержденные какими-либо статистическими или иными данными высказывания Д.А. Корецкого о необоснованной декриминализации Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ уголовно наказуемых деяний, повлекших причинение по неосторожности вреда средней тяжести, ответственность за которые предусмотрена ч. 1 ст. 143 УК РФ («Нарушение правил охраны труда») и ст. 216 УК РФ («Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ»), поскольку если российское правосудие и содержит примеры подобных уголовных дел, то они исчисляются единицами.

Анализ публикаций по проблемам уголовной политики свидетельствует также о том, что, критикуя означенный выше Федеральный закон от 8 декабря

2003 г. № 162-ФЗ, ряд ученых и практических работников делают ссылки на уголовно-правовую статистику за относительно короткие (не более чем за год) временные периоды и, как правило, без учета ее изменения в динамике. Подобные статистические данные не отражают реального положения с преступностью и уровня криминогенности российского общества. Это, естественно, ведет к искажению излагаемых авторами фактов и сделанных ими выводов.

Например, профессор Д.А. Корецкий в указанной публикации о принятии Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ говорит как о следствии отсутствия адекватности со стороны государства в противодействии преступности в условиях неблагоприятных тенденций преступности в России. В подтверждение своей критики о необоснованности данного решения законодателя автор приводит статистические данные за 2003 г., когда количество зарегистрированных преступлений за год возросло на 9,1% (или на 230 тыс.), не обратив внимания на то обстоятельство, что в 2002 г. в связи с вступлением в действие с 1 июля Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях было одномоментно (с 1 июля по 4 ноября) декриминализовано 350 тыс. краж чужого имущества, которые в конце 2002 г. вновь были криминализованы, что обусловило рост фактически не преступности, на что делается упор, а ее количественного показателя.

Аналогичный вывод, не основанный на статистических данных в динамике за ряд лет, Д.А. Корецкий делает при анализе краж, отмечая их рост в 2003 г. на 24,2%. Но еще более неожиданным является его вывод как криминолога о том, что кражи «служат одним из основных источников пополнения криминальной кассы – «общака». Лица, их совершающие, составляют «элиту» преступного мира и, как правило, являются профессиональными преступниками, носителями криминальной идеологии и субкультуры», что опровергается, например, данными о размере причиненного в результате краж ущерба, который в десятки раз меньше, чем от преступлений экономической направленности.

В явное противоречие с изложенным выше вступают высказывания Д.А. Корецкого о необходимости при выработке концептуальных подходов к проблемам криминализации (декриминализации) преступности опираться на «криминологические знания о реальном состоянии преступности в целом и отдельных ее видов» [5, с. 4]. Или, например, взять аналогичное по сути мнение о том, что «изменения, внесенные в УК РФ в декабре 2003 г., продемонстрировали вопиющее пренебрежение исполнительной власти и законодателя рекомендациями ученых-экспертов» [6, с. 3]. В этой связи прав А.Э. Жалинский, говоря о необходимости исключения из научной деятельности «демагогии, необоснованных обвинений, сознательного искажения фактов» [4, с. 23].

Следует также признать, что при формировании уголовной политики за исходные начала берутся данные уголовно-правовой статистики, достоверность которой обозначена в качестве одной из ключевых проблем в Концепции судебной реформы в Российской Федерации в силу своей крайней необъективности. В этой связи приходится констатировать, что проблема искаженности статистических данных о количестве совершенных преступлений вызывает большую озабоченность как со стороны государства [2], так и со стороны его правоохранительных органов (в первую очередь МВД и Генеральной прокуратуры РФ).

Литература

1. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.
2. Указ Президента РФ от 30 марта 1998 г. № 328 «О разработке единой государственной системы регистрации и учета преступлений» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1544.
3. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006.

4. Жалинский А.Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1.

5. Корецкий Д.А. Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. 2004. № 5.

6. Номоконов В.А. Тенденции современной уголовной политики // Следователь. 2006. № 9.

7. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4.

8. Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: Учебник / Под ред. Л.И. Беляевой. М.: Академия управления МВД России, 2003.

© Бюллетень магистранта 2014 год №5